

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

**Конфликт французской и немецкой традиции
в русской детской литературе
конца XVIII – начала XIX в.
А. С. Шишков как переводчик Кампе**

Общеизвестно, что ранняя литература для детей (т. е. появившаяся в конце XVIII в.) имела во многом переводной характер. Как правило, при обсуждении этого приводится некоторый ряд имен, воспринимаемых как нечто однородное: прежде всего называются немец Кампе и француз Беркенъ. Как нам представляется, на самом деле существовало сложное взаимодействие, почти борьба не просто разных, но чуть ли взаимоисключающих тенденций. Этому различию картин мира во французской и немецкой детских литературах и русскому выбору между этими картинками мира и будет посвящена эта статья.

Как известно, детская журналистика в Европе начала развиваться с конца XVIII в. У ее истоков стоят две фигуры — Арно Беркен с его журналом «Ami des enfants» (1782—1785) и Иоахим Кампе с его «Kleine Kinderbibliothek» (1779—1784). В исследованиях, посвященных истории детской литературы, обычно четко устанавливается связь между этими журналами: констатируется либо то, что Кампе заимствовал некоторую часть рассказов у Беркена¹, либо просто говорится о сильном влиянии французской традиции.

Однако при ближайшем рассмотрении отношения между этими журналами, которые по времени появления отличаются всего на несколько лет, не столь однозначны. Кампе, заимствуя некоторые тексты из Беркена, вовсе не ограничивался только простыми переводами или адаптацией. И хотя многие произведения из «Ami des enfants» вошли в издания Кампе, журнальный контекст, в который они попали, был совсем другим, что я и попытаюсь показать.

Кроме того, Кампе мог опираться не только на Беркена, но и на своего соотечественника Вейсе, первым в Европе начавшего (в 1771 г.) издавать детский журнал («Kinderfreund»). У Вейсе, к примеру, в отличие от французского журнала², стихи играют довольно важную роль, в журнале Кампе — тоже. Стихи «Kleine Kinderbibliothek» часто общепhilosophического характера, чаще всего размышления о скоротечности жизни и о неизбежной смерти, которая всех уравнивает. Есть и стихотворения сюжетные, причем иногда в стихах излагаются

сюжеты, взятые у Беркена. Например, явно соотносимы «Гнездо воробья» Беркена³ и стихотворение «Дитя, добрым наказанием исправленное» Кампе⁴, и подобных соответствий много.

Однако не только отношение к стихам отличает немецкий детский журнал от французского. Они предлагают несколько разные картины мира⁵. В центре мира журнала Беркена стоит ребенок, все рассказы так или иначе обработаны для детского сознания. Причем детский мир связывается для Беркена с представлением о «милом» и «естественном»: в предисловии к пятой части говорится, что у журнала «двойная цель: развлечь и привести к добродетели естественным путем, представив ее в самых милых чертах»; в своем журнале Беркен намерен описывать «лишь те приключения, которым» дети «могут быть свидетелями каждый день в своих семьях». Действующими лицами всех рассказов будут «только дети, их родители, их друзья». Абсолютное большинство рассказов представляет бытовые ситуации, игры, праздники; обязательное действующее лицо — ребенок, изображаются его эмоции и поступки — обман, раскаяние, радость, зависть и т. д., что должно было позволить маленьким читателям подставлять себя на место героев. Все фантастическое и аллегорическое Беркен считает неуместным в детском журнале, где не должно быть «невероятных выдумок и страшного волшебства, в котором только блуждает.. воображение» детей. Описания чего-либо отталкивающего исключены или сведены к минимуму. Если автор все же касается проявлений жестокости в повседневной жизни детей, то старается заострить внимание не на описании самого зла, а на путях его исправления и на радости спокойной благодетельной жизни. В произведенных Кампе переделках Беркена, как и в оригинальных произведениях самого Кампе, проявляются иные представления о должном и дозволенном в педагогике.

В этом отношении характерен, например, рассказ, появляющийся у обоих авторов: у Беркена под названием «Шрам», у Кампе — «Гнев». Герой Беркена, Фердинанд, в гневе толкнул своего друга, тот упал на камень и расшиб голову, заболел лихорадкой, но поправился. Все время болезни Фердинанд, мучимый раскаянием, провел у постели друга. Наконец друзья снова смогли играть вместе, и небольшой шрам на виске Марселина стал «печатью нежной дружбы, которая объединила их на всю долгую жизнь». У Кампе детализировано описание жестокости: «кровь волнами полилась из головы» бедного Готлиба, фабула более мрачная — герой еле выжил после болезни, и Кампе больше занят описанием гневливости, чем последующего раскаяния.

Особенно показательны и разные завершения рассказа при единстве общей фабулы: в рассказе «Болтушки» (в «Ami des enfants» («La petite babilleuse») девочка сумела полностью избавиться от своего «порока», а в варианте Кампе он остается у нее навсегда. Текст Беркена кончается так: «мало-помалу ей удалось избавиться от своей невыносимой болтовни, теперь она прекрасно смотрится в обществе, не смущая и не докучая никому». В «Kleine Kinderbibliothek» болтливая девочка вырастает и «проводит всю жизнь в плачевном уединении, так и не познав радость супружества и дружбы». Такой финал совершенно невозможен у Беркена, где все направлено на то, чтобы уверить ребенка в своих силах и в возможности всегда прийти к счастью.

Некоторые рассказы Кампе, фабульно напоминающие тексты Беркена, если и являются результатом влияния французского журнала, то представляют собой переделку очень радикальную, поэтому можно лишь предложить сопоставление их с рассказами Беркена, не предполагая обязательность контактной связи. Так, рассказ «Тимм» Кампе можно сравнить с «Jacot» Беркена. У Кампе Тимм и его сосед, директор школы, жили бедно и сами воспитывали детей; к тому же младший сын директора был больной и увечный. Однажды, пойдя за дровами, директор пропал и Тимм нашел его «висящим, раздавленным на дереве, на суку». Тимм снял его, а детей взял к себе. Герой идет к герцогу, который узнает о случившемся, и богатыми подарками хочет подкупить его, чтобы тот «не отнимал у Тимма детей, или, если иначе нельзя, оставил ему хоть увечного». Герцог тронут и соглашается на его просьбу, обещает помочь. У Беркена хижина Сюзон соседствует с лачугой Жульена и Мадлен. Жульен уходит на заработки, а Мадлен находят мертвой на лестнице, Сюзон считает, что она потеряла сознание и упала, но хоронят ее все же за оградой (т. е. как самоубийцу). Сюзон берет себе детей, но старшего забирает священник. Проезжавший мимо благородный господин, которому героиня все это рассказывает, хочет забрать младшего, Жако, к себе в замок, вместе с Сюзон, однако она отказывается уехать или отдать ребенка. Тогда господин Курсоль решает просто помогать им и слать деньги (он также выплачивает все долги этой семьи, что позволяет отцу Жако вернуться в деревню и самому воспитывать детей). При всем сходстве различия деталей очень характерны: если у Беркена просто младший ребенок, то у Кампе — еще и увечный; смерть у Беркена выглядит более образной, смерти у Кампе.

Однако по преимуществу натуралистически кровавые рассказы, составляющие очень большую часть журнала Кампе, — оригинальные

произведения (по крайней мере, не обязательно восходящие к Беркену; вообще же в журналистике той поры и в детской литературе в особенности заимствования без указания на источник настолько частое дело, что о степени оригинальности мы можем говорить лишь предположительно).

Характерный пример такой подчеркнутой жесткости фабулы и деталей — «Мучитель животных». «В Финляндии однажды переехали собаку». Увидевши это, мальчик зачем-то забрасывает умирающее животное камнями и затем поливает кипящей водой. Мальчика судили, повесили ему на грудь черный таз с табличкой «кровожадный дикарь» и дали 50 ударов бича, чтобы он почувствовал часть той боли, которую причинил собаке. Далее неожиданно рассказывается о том, что в Финляндии существует обычай прибивать к стене живых воробьев и надувать лягушек. К тому же, дети любят привязывать нитку к ножке жука и крутить вокруг, пока ножка не оторвется. Чтобы отучить их от этой жестокости, если они не послушаются увещаний, надо привязать им к пальцу нитку и тянуть со всей силой, чтобы они поняли боль жука⁶. Легко заметить, что в иной культурной ситуации, в другие времена такое подробное описание зла в детской литературе будет представляться совершенно невозможным, вредным, даже безнравственным; например, в 1830-х гг. в «Телескопе» Надеждина будут резко критиковать журнал «Всеобщая библиотека полезных для юношества сведений», позволивший себе в одной из повестей упомянуть о возможности братоубийства: «Величайшее зло скрывается в выборе пьес, не только бесполезных или неприличных, но положительно вредных по тем впечатлениям, которые они должны производить на детей своей ужасной новостью, ибо представляют воображению их такие неистовства, такие искажения природы человеческой, о которых и взрослые без ужаса и отвращения говорить не могут... Какие мысли, какие чувства должны породить сии ужасные слова в уме и душе невинного дитяти?». [1833. № 5. С. 235—239]. Между тем Кампе такие соображения не смущают⁷.

Педагогическая допустимость прямого и подробного разговора о зле сочетается у Кампе со столь же прямым разговором о неизбежности смерти; у Беркена смерть персонажей хотя и возможная часть фабулы, но это не является такой важной и настоящей темой, как у Кампе. В журнале Беркена все произведение целиком никогда не будет посвящено смерти. Между тем для Кампе обычны адресованные детям рассуждения вроде: «Полезно на кладбище быть и смотреть на холмики, где лежат покойники», ведь человек, когда душа отделится

от тела, будет лишь «кучкой пепла». Этому же может быть посвящена и лирика в журнале Кампе — например, проникновенное стихотворение «Червячок зимой», содержащее следующие строки:

Умри, червяк!

Зимний день тебя больше не заморозит,

Буря не разрушит твой дом,

Умри! Мы все, как ты, умрем⁸.

Еще одна явная черта детского журнала Кампе — практическое отсутствие чисто познавательных текстов, сообщающих начатки научных сведений о мире⁹. Здесь проявляются принципиальные убеждения Кампе как педагога, считавшего, что «раннее разумное воспитание детей» (т. е. воспитание их разума) — «вредно»¹⁰. Заметим, что в русских журналах и хрестоматиях для детей от Новикова до Толстого присутствие как раз таких текстов почти обязательно. Новиков отстаивал в своем «Детском чтении для сердца и разума» прямо противоположную точку зрения¹¹, хотя адресовал журнал весьма юным читателям (детям 5—10 лет), — и это несмотря на то, что из Кампе, считавшегося классиком своего рода, Новиков взял для «Детского чтения» много рассказов.

И Кампе, и Беркен оба существенно повлияли на русскую детскую литературу, особенно раннюю, но их статус в России оказался весьма разным. Кампе был повсеместно известен, а имя Беркена практически забыто, хотя при этом некоторые его рассказы, например, «Четыре времени года», стали в России хрестоматийно известными¹² (но, как фольклор, вне памяти об авторе).

С 1780-х гг. появляется огромное количество переводов различных произведений Кампе: и его «Робинзона для детей», и «Собрания путешествий», и «Разговора отца с дочерью», и, конечно, его «Детской Библиотеки». Рассказы Кампе входили и в русские детские журналы (например, они составили почти треть всех произведений из первых частей «Детского чтения...» Новикова)¹³, и в самые разные переводные хрестоматии для детей. Через Кампе (и под его именем) нередко приходили в Россию и произведения Беркена. Можно предположить, что в этом сказалась не столько некая специфичность русского восприятия западной литературы, сколько особенности репутаций Беркена и Кампе, как они сложились в самой Западной Европе. По не вполне понятным для нас причинам даже на родине Беркена, во Франции, в состав некоторых детских хрестоматий его рассказы попадали под именем Кампе и в переводе с немецкого¹⁴.

Кроме сборников, рассказы Беркена мелькают и в детских журналах, но как один из основных авторов он назван прямо только в «Весе-

лом и забавном друге детей» С. Смирнова за 1804 г. В предисловии составитель заявляет: «Беркен и Жанлис суть главные творцы сего издания».

Почти целиком состоял из переводов-переделок «Ami des enfants» журнал «Друг детей» Ильина (здесь даже само название издания повторяет название французского источника). Произведения, напечатанные в нем, часто следовали в том же порядке, что у Беркена, однако были настолько русифицированы, что впечатления чего-то переводного уже не производили. Показательно для русского отношения к Беркену, что Ильин нигде не ссылается на Беркена как на настоящего автора этих рассказов. Только один раз в переведенном (очень близко к тексту везде, где нет французских реалий) рассказе «Непостоянный», где Ильин как бы уже от своего имени передает размышления Беркена о том, что он будет жив в памяти внуков тех детей, для которых он писал свой журнал, издатель «Друга детей» восклицает: «Нежный, прекрасный, благородный Беркен! Тебе обязан я за сие неизъяснимое блаженство!».

Полного перевода Беркена, не переделки, а именно перевода (как бывало в случае с Кампе), нам найти не удалось ни среди изданий того времени, ни позднее, в то время как различные варианты перевода «Детской библиотеки», в предисловии к которому было четко сказано, что это перевод из «славного Кампе»¹⁵, появлялись вплоть до 1850 г. и многократно переиздавались. Кстати, в том же предисловии переводчик от своего имени пишет о «злых следствиях так называемого французского у нас воспитания», противопоставляя его морально-нравоучительному немецкому воспитанию в лице Кампе.

Самым известным переводчиком Кампе на русский язык был А. С. Шишков. Он выполнил перевод первой части «Kleine Kinderbibliothek» в 1783—1785 гг. по поручению Е. Р. Дашковой, возглавлявшей в то время Академию наук. Эта «Детская библиотека» пользовалась огромной популярностью и переиздавалась «не менее 7 раз вплоть до 1846 г.»¹⁶. При переводе Шишков почти не отступал от оригинала. Правда, многочисленные стихи, присутствующие в его «Детской библиотеке», сам Шишков считал «скорее переделкой, чем переводом». Впрочем, даже в стихах его перевод весьма точен и подчиняется общему принципу изменения текста, принятому им в журнале: все немецкие имена меняются на русские, часто с превращением семантически пустых имен в говорящие (например, Рудольф становится Добросердом) очень редко Шишкову приходится снимать детали, слишком специфически связанные с немецкой бытовой культурой (в стихотво-

рении «Луизхен» главная героиня выпивает немного пива, а «Наташа» Шишкова — стакан воды со льдом).

Однако, несмотря на большую точность перевода каждого произведения в отдельности, «Детская библиотека» Шишкова как целое все-таки трансформирует немецкий оригинал. Дело здесь в отборе и композиции. «Детская библиотека» Шишкова гораздо компактнее хотя и «Kleine», но многотомной «Kinderbibliothek» Кампе. Можно сказать, что общая атмосфера жестокости, царящая в рассказах Кампе (особенно по сравнению с Беркенем), только усугубляется у Шишкова. В некоторых местах, особенно в первой части «Детской библиотеки», кроважидные описания следуют друг за другом. Так, рассказ «Злодействующий кот и невинно страдающая Шавка», где на кота Урчалу падает крышка капкана и «ломает ему крестец», оказывается предварен весьма похожим и не менее душераздирающим рассказом «Верная собака»¹⁷, о хозяине, убивающем животное, между ними — стихотворение «Умирающее двенадцатилетнее дитя»¹⁸. В рассказе «Плачевная судьба двух мальчиков», служащем, вероятно, для запугивания детей и для внушения им послушания, описывается, как дети, оставшись одни, достали отцовские пистолеты, «оба вдруг спустили курок, и оба в крови своей залившись упали». И таких примеров можно было бы привести еще много. Натуралистичность, подчас даже грубость, отличают очень многие рассказы в «Детской библиотеке». Грубость эта проявляется не только на смысловом, но даже на лексическом уровне (что предсказывает в молодом переводчике Шишкове будущего главу «Беседы»): одно из частых слов — «дура» (в стихотворении «Осел и лошадь» весь груз «взвалили на лошадь, на горду эту дуру», в финале басни «Собака с куском мяса» автор восклицает: «О, дура! То был вид пустой!» — про собаку, увидевшую свое отражение).

Почти все моральные постулаты, внушаемые маленьким читателям, подкрепляются страшными примерами, причем наказание за проступки ничем не отличается от возмездия за преступления. Так, чрезмерная любовь к сладостям приводит мальчика из рассказа «Воздержание» к краже, бегству и гибели в море («преступника поглощают волны»).

Чем же можно объяснить такое изобилие жестоких, кроважидных и грустных рассказов? «Краткая психология или учение о душе для детей» Кампе позволяет лучше понять идеологию, возможно, не чуждую и его русскому переводчику. В этой книге отец, беседующий с детьми об их душе, раскрывает на практических примерах основные ее свойства. И чувство боли, как физической, так и моральной, оказывается также крайне необходимым детям. Вот начало третьего «разговора»: «Отец

пришел на другой день со жгутом и ударил из них каждого». Все вскрикивают от боли. Отец отвечает им на это: «Я рад этому, чрез это вы познали новое, прекрасное свойство души вашей». Таким образом, чувство боли необходимо и полезно, так как это развивает детскую душу.

Итак, можно выделить два пути, по которым развивалась детская литература в Европе в годах. Первый, воплотившийся в творчестве Беркена и проявляющийся в занимательных рассказах с моралью, основанной на положительном примере. И второй путь, выразителем которого стал Кампе, и характеризующийся обилием отталкивающих и жестоких примеров, призванных через страх приучить детей к послушанию. В России первый путь, представленный журналом «Друг детей» Ильина, не получил особенного развития. А вот второй путь надолго оказался главенствующим в детской литературе того времени: Кампе и Шишков, похоже, никого не шокировали, напротив, о «Детской библиотеке» уже в середине XIX в. с умилением вспоминал С. Аксаков. Этот успех традиции Кампе—Шишкова особенно интересен, если учитывать, что во взрослой и классической литературе, как принято считать, возобладали иная, карамзинистская тенденция.

Примечания

- ¹ «Беркена, в свою очередь, перевел Кампе» — O'Sullivan, «Comparative Children's Literature» (Routledge, London and New York, 2005). В одной работе нам встретилось основанное, видимо, на каком-то недоразумении противоположное утверждение: «Чтобы составить «Ami des enfants», Беркен подражал текстам немецких детских авторов, таких как Кампе» (Парижский Университет Sorbonne-III «Детская и юношеская литература во Франции и в Италии...»).
- ² У Беркена стихи хотя также присутствуют, но в гораздо меньшем объеме. Они собраны под общим заглавием «Romance», бессюжетны, это поздравления членов семьи с праздником, размышления матери, раздумья влюбленного и т. д. При этом у Беркена стихи никак не соотносятся с остальными текстами выпуска, стоят особняком, часто в конце номера.
- ³ Дети достали птичку из гнезда и ощипали ее, Наставник начал укорять их, так что все они раскаялись, заплакали и поклялись впредь не поступать так.
- ⁴ Рудольф торопится вернуться домой, чтобы обнять жену и «доброе сына», но, задержавшись в лесу, застаёт всю семью в слезах. Жена восклицает, что у них вовсе не добрый сын, а «настоящий злодей». Случайно залетевшую к ним птичку он не только ощипал, «оставив ей только два крылышка», но и выбросил на неминуемую гибель на мороз. Но мальчик быстро понимает свой грех и впредь всегда подавляет в себе приступы жестокости.

- ⁵ Хотя, конечно, некоторые педагогические и литературные установки близки: и Беркен, и Кампе оба стремятся соединить занимательное с нравственным.
- ⁶ Приходится признаться, правда, что это отчасти похоже на то, что делает наставник, увидев ошипанную птичку, из упомянутого выше рассказа Беркена «Воронье гнездо». Он тянет за волосы старшего, главного мучителя воробья, и вырывает у него несколько волосков. Тогда тот понимает, какую боль испытала бедный воробей.
- ⁷ Иногда отталкивающие (по крайней мере, с точки зрения другой эпохи) детали у Кампе не имеют никакой очевидной цели — например, моралистической цели испугать ребенка ужасами греха. Так, в рассказе «Смелость юнга» описывается, как корабль, везший шерстяную одежду, стал тонуть, и спасся лишь юнга, отвязавший с палубы несколько шерстяных жакетов и плававший на них два дня и две ночи. От голода он спасался тем, что брал из жакетов шерсть, чтобы высасывать из нее жир и наполнять этим желудок.
- ⁸ Все эти довольно однообразно-унылые стихи подписаны Овербеком. Кроме Овербека, в журнале Кампе встречаются также (под некоторыми рассказами) имена Каролины Рудольф, Глейма, Морица и т. д. Такое присутствие в журнале подписей разных авторов тоже отличает издание Кампе от «Друга детей» Беркена, воспринимаемого как журнал одного автора. Между прочим, это не похоже и на обычную практику составителей русских журналов для детей, где публикации чаще не подписывались.
- ⁹ Среди редких исключений — «Четыре времени года».
- ¹⁰ Предисловие к «Краткой психологии, или учению о душе для детей».
- ¹¹ См. естественно-научные статьи — «О снеге», «О воздухе», «О животных», и т. п.
- ¹² В изложении Ушинского.
- ¹³ Приходится заметить, что несмотря на известность самого имени Кампе, в некоторых русских изданиях, например у Новикова, его произведения помещались без указания автора, как и вообще тогда было принято поступать; произведения Беркена, правда, такая судьба постигала гораздо чаще.
- ¹⁴ Так, например, было в составленном Veenger сборнике «La morale en action», изданном на русском под названием «Нравоучение, представленное на самом деле» (1790). Здесь есть несколько рассказов из Кампе, один из которых сам он заимствовал из журнала Беркена, хотя нет ни одного рассказа, взятого непосредственно из «Ami des enfants». Можно привести и другой пример, свидетельствующий о чуть ли не большей популярности во Франции Кампе, чем Беркена: в «La petite bibliotheque amusante» (1796) среди прочих есть рассказ с таким названием «Всегда делай добро и избегай зла, даже в самых укромных местах». Один из героев, отец мальчика, именуется Egenreich. Именно так зовут этого героя и в рассказе с тем же названием в «Kleine Kinderbibliothek». Однако сам Кампе перевел этот рассказ из «Ami des enfants», слегка переделав моралистическую концовку, из-

менив имена и название (у Беркена оно звучало так: «Если люди тебя не видят, Бог тебя видит»).

Что касается присутствия в русских хрестоматиях рассказов Беркена, то они есть только в одном детском сборнике, содержащем параллельные русские и французские тексты, — «Нравоучительная книга для малолетних детей, или собрание басен, сказок, повестей и историй» (1814), причем автор не указывается, а некоторые названия изменены (рассказы Беркена названы «моральными сказками» и следуют за «волшебными сказками» Перро «Красная шапочка» и «Подарок феи»). Между прочим, в резком отличие от принятого в современной издательской и педагогической практике, в старинных изданиях параллельных текстов для детей, хотя они скорее всего использовались при обучении иностранному языку, рассказы подвергались редактуре и русификации не менее интенсивной, чем это обычно бывало в переводах-переделках того времени; менялись названия, имена героев и т. п. (Например, в «Детском зеркале в нравоучительных картинах» 1822 г. русское название лишь соотносится с французским, но не повторяет его: «Смотрите, как гнев их обезображивает» — «Сердитые дети», «От гордости они становятся глупы, как индюки» — «Гордые дети» и т. д.).

¹⁵ Да и сам Кампе, по всей вероятности, вполне отдавал себе отчет о масштабах своей славы: в предисловии к «Краткой психологии...» он заявляет о себе как о «самом независимом» немецком педагоге.

¹⁶ К. Г. Боленко. «Kleine Kinderbibliothek» И. Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова, стр. 58 // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1988. № 3.

¹⁷ В рассказе «Верная собака» Стрелка пыталась показать хозяину, что он уронил кошелек. Но хозяин, решив, что она взбесилась, был принужден застрелить ее. И только после «по кровавому следу ее он увидел, что она поползла до потерянного кошелька». Хозяин понял свою ошибку, но «собака уже издохла».

¹⁸ Вообще более или менее опоэтизированная смерть ребенка здесь нередкая тема. В «Наташе», например, девочка среди игр выпила стакан холодной воды, заболела и умерла. Брат, увидев ее бездыханное тело, «на тело с криком упадает и тут же век кончает свой».